

Валентина ФЕХНЕР

Валентина Фехнер родилась в 1989 году в Донецке. Живет в Москве. Училась в Литературном институте им. Горького. Стихи публиковались в журналах «Гвидеон», «Плавучий Мост», «Формаслов», «Кварта», «Метажурнал» и др. Автор книги стихотворений «Око» (М.: Стеклограф, 2021).

разомкнутый вопрос
ответ смеркается
ты выплакал весь гоголевский нос
потерю и до солнца не донес
и день недели придушил до пятницы

теперь среди значений и зеркал
я самого себя до крови промолчал
и речь похоронил как позвонок раздора
среди невозвращенца разговора

...такая теперь тишина
А. Ахматова

здесь – только эта строка о строке
здесь – сантимент об упущенном сроке
заикнуться строк-е-е на той е
что о стране ни е

в этой строке могла быть война
но я говорю ей нет/но я говорю ей да –
из раздираемого семени вырос кровавый плод
(деревце перетерпит? яблочко заживет?)

в этой строке не прописано ни иглы
не покалечит слово ни остроты ни мглы
только новая темень русского сходит на выколотый язык
и говорить темно и молчать впритык

Не спят, не помнят, не торгуют
А. Блок

воспаленное возбуждает в понятиях
не млекопитанием
нечем для осмысления

не вопросом выживания
но ос мышление
нос гоголевской величины
опережает время своей личины

но осы осы их труды почто воспалены
и смерть на острие войны
принять отравой вины
что я убийца или ты
(строка могильной глубины)
что Мы – убийца

но воспаленным всем своим мы говорил мы умирал
мы жил мы помнил мы желал
и всем двадцатым веком прослезился
и коллективно затопил эдиповы глазницы

в строке погибшей жило мы
вот в этой больше не живет
а в этой не было его от сотворенья тишины
и стих не надевал его спасительный жилет

но имя слова было – день
а имя речи было – ночь
язык им был народом тем которому нельзя помочь

АПЦ

камень в тесноте тяжести
человек в потомке надгробия
тело во гробу здоровья
жизнь в том чем кажется

если закрыть мертвому уши
что он услышит двойным оглушением
тишина внутри от тишины снаружи
отличается слухом соотношения

если молчать мертвому в слово
что промолчит он молчанием твоим
немота мертвого от живого
отличается близнецом могил

если ожить мертвому в память
лазарем речи прошедшее продолжать
как будущего камень
под которым потомком лежать

биополярное расстройство вещей
замкнула строфу на восприятие и забыла
блаженно радуется и веселится щей
а ве в разрыве гибель затаило

чем дышит расщепление вообще?
когда от целого осталось обоняние
в нем обретет покой душа вещей?
и задыхается обоснование

разит распадом существа понятий
то ли логика свадьбу играет с абсурдом ревнивым
и ее ежедневно кромсает отелло разъятый
а она воскресает в крови неврежденной

в духоте прощания воздух незрячего времени
и глаза выдыхают себя из зрения
и тьма удушья сама собой
завершается этой строкой

Античный плач русской девочки

Русская девочка (Р.Д.)
Хор

Р.Д.:

это подземный воздух, налитый памятью, алеет, набухая воспоминанием,
вот-вот и выдохнется наружу плач его переспелый,
и могилы станут легкими, чтобы дышать навзрыд,
смерть выдыхая из умершего, как дурное воспоминание,
а я на краю задыхания и с обрыва его уже сделала шаг роковой,
но вдруг угодила за выемку между вдохом и выдохом
и услышала передышку, ее слезное сердцебиение,
но, прислушавшись глубже, я поняла, что это язык,
который встречается только в таких местах –
между войной и миром,
между добром и злом,
между жизнью и смертью –
и мои слезы текли на нем

ХОР:

отведай нашего языка о девочка русская, –
он – то, что война еще не начавшись шептала братьям твоим
в утробе грядущего,

он – то, чем вожди заговаривают народ перед новым ударом,
он – первое провидение в сердце пророка,
он – то, что болит между землей и родиной раной власти,
он – то отражение твари, в котором сказал Достоевский русское слово,
он – речевой аппарат топора и посмертное имя старухи,
и рыдание его на иероглиф переводит твой плач

Р.Д.:

о как мне не разорваться на два языка,
когда братья мои выедают друг другу речь,
и язык одного отменяет язык другого,
чтобы на вражеском и молчать не мог,
и тогда все зверства детства моего распахивают свои языки,
и я говорю мальчика у Христа на елке – окоченелое лепетание памяти,
где ускользящая мать охладевает в сиротство,
и красные взбухшие вопросы, примерзшие к выдумке,
играют в самих себя, как в беременные ответы,
налитые тайной безусловной любви,
и дед отводит нас с братьями
гулять в Калининский район на Донецк два –
я помню его, как место, где один брат всегда обгонял другого,
а я подхватывала того, кто начинал задыхаться первым
и вдыхала его поражение на себя, а в него выдыхала свой воздух,
и он продолжал борьбу –
этому научила меня моя мать, а ее моя бабушка,
все женщины в нашем роду жертвовали всем своим ради братского мира,
и, вошедши в горящую избу, так и сгорали,
задувая огню свою жизнь,

но, потом, бабушка не поехала в Израиль за дедом, а
вернулась в Россию, чтобы свое дыхание передать русскому солдату,
в то время как дед задохнулся от тоски

от Донецка два теперь остались только пара надгробных камней,
которые издали напоминают головы удаляющихся братьев,
но стоит приблизиться – они ускользают все ближе и дальше,
чтобы мне навсегда разорваться на их проигравшие черепа

ХОР:

о сестра, растерзанная на два глаза –
из разных взглядов вытекает одинаковая смерть,
и одни и те же вопросы раздирают сестер,
и боль их живее войны и вражды

Р.Д.:

о как мне не разорваться на две смерти,
когда братья мои подрывают друг другу жизнь,

и смерть одного продолжает смерть другого,
чтобы как можно дольше не прекращать
этот поединок, эту братоубийственную войну,

но мое заканчивается дыхание, и свой последний выдох
я больше никогда не отдам враждующим сторонам,
но выдохну в себя и останусь жива в самом сердце –
между трупами родины и политики,
между русским и родным языком,
между альфой и омегой, –
и жизнь моя станет мне братом

ХОР:

да, ты продолжишь
дышать из последнего выдоха –
сама себе родня и родина,
оставила мертвым задыхаться в своих мертвецов
и посреди армагеддона в свободу переселилась,
чтобы больше никогда
не сотворить себе власть и войну
и умереть на свободном языке

Монолог Исмены (отрывок из трагедии «Антигона»)

Исмена:

кто вырезал рассвет,
тот по-иному представлял начало.
умывшись тьмой и кровью, было молчание,
свет не отличался от тьмы, рождение от смерти, начало от перечисления

женщины извергали детородные органы,
как манифест утраты материнства,
мужчины вырезали из себя человека и ушли на войну меряться ранами

на этом моменте я умерла от разрыва родного языка,
и снова пытаюсь с тобой объясниться на его останках,
но, как бы я не старалась, ты меня не понимаешь.

нарцисс насилия под ребром власти
одержим каждым своим ударом, каждой войной,
твоя гибель только распалит аппетит новой победы
и мир никогда не отличится от войны

или одеться хочешь в тело террора?
чтоб в глубину ярости твоей он посмотрел и ужаснулся?
война его тебе не по масштабу –
натянуть ее на наряд невесты не хватит смерти

вчера я выкопала отца из его могилы,
чтобы посмотреть, чем он был на самом деле,
какой скелет прятал в теле слепого калеки
я вложила незрячие пальцы в глубину слепоты
в поисках потусторонней опоры,
но, ощупывая отсутствие, завязла в ничто
и, как ни пыталась назначить хоть как-то смысл своим действиям,
мне ничто все сильнее находило на ум
и все потеряло смысл

посмотри на этот камень, что ты видишь?
опору, оружие, надгробие?
как ответит выбирающий жизнь?
во что поверит идущий воевать?
с чем попрощается умирающий?

когда вода/слеза претворяется в кровь?
захочешь утолить жажду и по горло в крови
захочешь оплакать погибших – от крови не отплачешься

что за страх не дает сказать тебе правду?
когда доживаешь за всех, кто не побоялся
проклиная его язык на отлично, как иностранный, ставший родным,
хотя давно уже мыслишь на нем, обсуждаешь последние новости,
а как будет на нем умирать?

сестра, каким огнем полон твой манифест?
каким государством восходит мирное небо?
какую истину проливает его кровь?

пока он убивает всех, кто подает признаки зеркала
и мое отражение доживает смертник